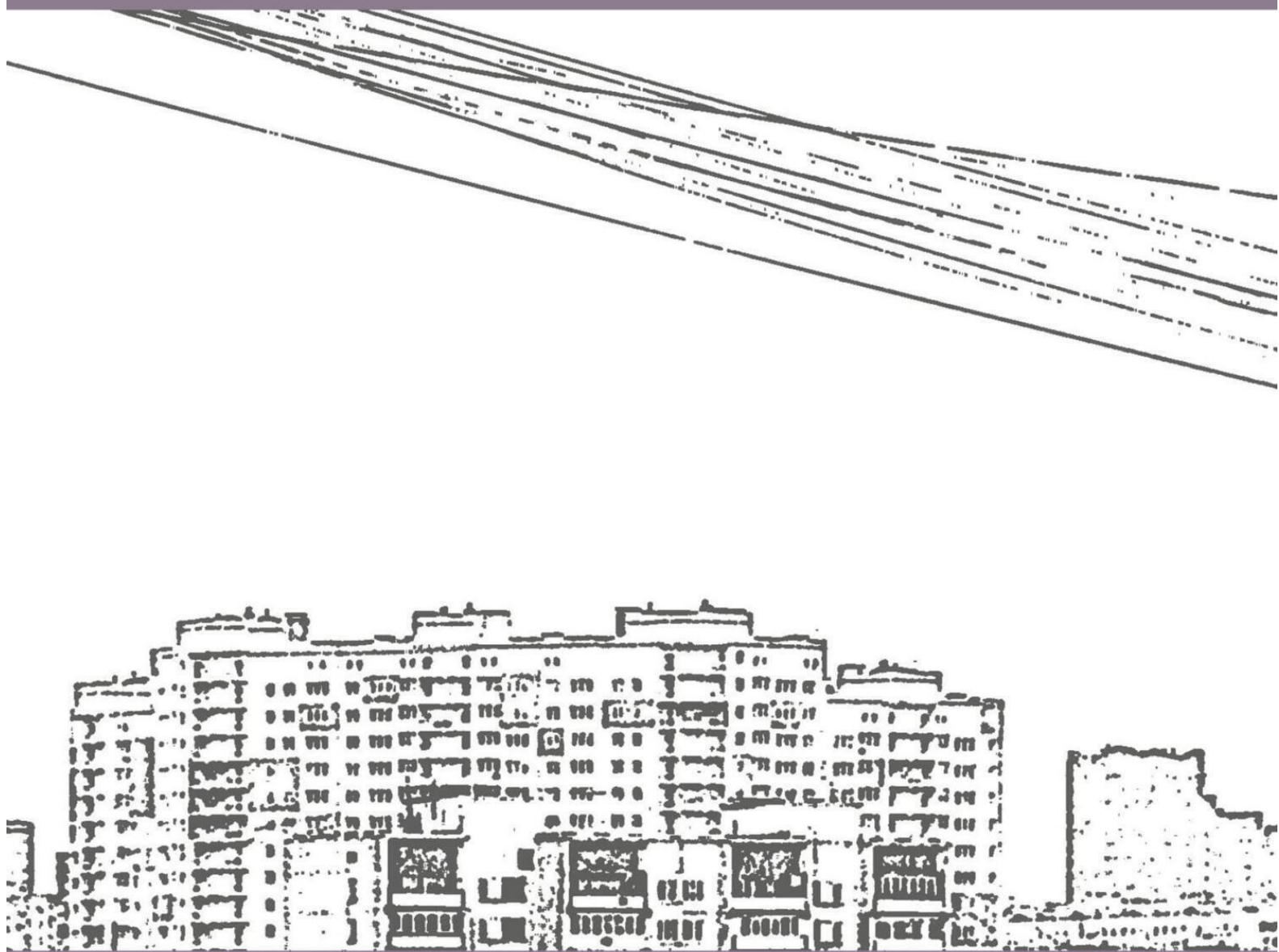

МЕЖДУСТРОЧЬЯ (сборник)

Ринордийский цикл.
Книга между второй и третьей.

Ксения Спынь

18+

Ринордийский цикл

Ксения Спынь

**Междустрочья. Ринордийский
цикл. Книга между
второй и третьей**

«Автор»

2016

Спынь К. М.

Междустрочья. Ринордийский цикл. Книга между второй и третьей
/ К. М. Спынь — «Автор», 2016 — (Ринордийский цикл)

ISBN 978-5-532-09992-0

Этот мир - другой. Нет, он не населён диковинными существами и канувшими в Лету народами: здесь лишь такие же люди, как мы. Можно считать его пространством сна, грёзы, где засевшие в памяти фигуры и приметы времён смешались в причудливый узор, иногда так похожий на нашу явь. Или попыткой пробраться на другой уровень - туда, где живут страхи, надежды и мечты. Или просто иным миром, в котором искривлённо отражается наш. Россыпь маленьких историй из мира Ринордийска: о танцовщицах и поэтах, о тенях и зеркалах, о строительстве метро и забытых легендах, о революциях прошлых лет и тех, что ещё только грядут... И конечно, о самом Городе – живом, капризном и переменчивом.

ISBN 978-5-532-09992-0

© Спынь К. М., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Из глубин (повесть).	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ксения Спынь

Междустрочья. Ринордийский цикл.

Книга между второй и третьей

Из глубин (повесть).

От автора.

Многие технические процессы, описанные в тексте, в нашем мире производятся несколько по-другому, некоторые – совсем по-другому, а кое-что попросту технически невозможно. Подобные несовпадения – не на совести автора, они связаны с особенностями мира Ринордийска, с его зыбкостью и характерными «сбоями» реальности. То же относится к нечёткой иерархии и разделению обязанностей: в описанный период нечёткость и сумбурность охватила на какое-то время всё общество – от самых верхов до обычных людей. (Следует отметить также, что период этот не продлился долго).

*«Помогать тебе я буду,-
Говорит он мне, как другу. -
Только ты упрямо, челядь,
Сам себе дорогу стелешь,
Сам себе ты службу служишь,
Оттого всю жизнь и будешь,
Пустоту пустым глотая ртом,
Мелким бесом виться над костром,
Одиноким ветром в поле слыть,
Белой тенью в белой лодке плыть».*
Сурганова и оркестр, «De profundis»

Они тянулись сумеречным хороводом, шли один за другим, один за другим по старым полустёртым ступеням, вдоль нескончаемой стены цветом в высохшую озёрную ряску, они шли не глядя, величаво неся вдаль призрачные огни, преисполнены осознанием важности порученного им ритуала.

Ну что, всё-таки пришёл?

Он поколебался: отметил, что не слышит голоса, задающего этот вопрос, и было непонятно, как возможно так – без слов, без звуков... Призрачная дымка трепетала в полусвете, будто драгоценный камень – бесцветный, но струящийся миллионом лучей.

«Этот человек...»

«Этот человек...»

«Хочет...»

«Хочет забрать!»

Да нет же.

«Хочет вывести... Разболтает...»

Я не умею.

Он не умеет.

Дублёром – почти сразу, с чуть различимым запаздыванием. И громче. Он заоглядывался, вновь не различил, только немые пешие передвигались неспешно и мрачно. Стены здесь дышали сухой пылью, и всё наполнено было чутким, чуть тревожным покоем.

Пришёл за представлением? Что увидеть хотел?

Он подался несколько назад: не понял, приглашение или наоборот. Но было уже некуда. Своды сомкнулись, и под ними грянуло:

Представление века!

Зашелестело, задвигалось, зашипело – по впадинам стен, по грубым и осыпавшимся нишам. Неслышимый торжественный марш, салют в сокрытых от взора высях.

Тебе в цвете или чёрно-белое, с масками или без? Карнавальные костюмы давно пошиты, и есть также много старых книжек, одни страницы вырваны, другие заложены алыми розами – ах нет, это другой цветок. Есть ещё многоглазые площади и тайные подземные туннели и, конечно, много зеркал и огней для блуждающих бабочек...

Подземные туннели – ну конечно! – радостно выловил он. Это давало точку отсчёта и расставляло всё по местам: для этого же они и приехали сюда...

Стены дрогнули, начали скатываться.

Разве ты не знал? Когда проходишь сквозь заветную дверцу, порою сбываются грёзы?

Разве ты не слышишь...

Он открыл глаза. Чуть покачивало из стороны в сторону, по левую руку проносились луга и поля с редкими постройками. Он приподнялся на локте, с удивлением – не от того, что всё изменилось, а от того, что проспал так долго. Судя по тому, как было светло, всюю уже стоял день.

Мартин, его напарник, сидел на полке снизу и поглядывал на него с усмешкой.

– Что тебе снилось, крейсер рассвета? – промурлыкал он, заметив, что Мечеслав проснулся.

– Да так, ерунда, – он растёр глаза и лоб, силясь побыстрее прийти в чувство.

– Давай слезай, – Мартин кивнул за окно. – Почти приехали.

Он глянул и сам: ничего особенно не переменялось, хотя, пожалуй, постройки пошли почаше и погабаритнее. Деревянные же столбы, поддерживающие провода, сменились металлическими вышками. Город надвигался.

Мечеслав спустился, устроился напротив напарника – по другую сторону раскладного столика. Дурацкая конструкция, надо бы иначе... Только один раз он видел так, как надо, – в журнале; кажется, что-то из ближнего зарубежья. Больше почему-то никто этого не повторял, а зря. Ну да ничего. В наш-то век пассажирских самолётов и подводных лодок доберёмся и до столиков в плацкартах.

Раз, два, три – новый век, гори. С уходом императоров всё теперь будет по-другому.

Кто только в прошлом веке посмел бы подумать о метрополитене в Ринордийске! Такого чудака в лучшем случае подняли бы на смех, а ничего более, чем досужие разговоры, не допустили бы власти. Теперь же – пожалуйста, они с Мартином едут строить метро в столице.

Мечеслав, правда, ещё охотнее начал бы с поселений северо-запада – родные места, как-никак. К тому же разрозненным и разделённым болотами жилым участкам очень помогло бы надёжное транспортное сообщение. Но именно из-за болот решили не начинать оттуда: технология новая, ещё совсем неопробована. Строить собираются чуть ли не наугад. Вот накопится опыт – тогда любые сложности ландшафта будут нестрашны.

Замелькали отдельные высоты, вдалеке растянулась широкая светлая лента – наверно, новое шоссе, о котором всюду теперь говорят. Ещё немного – и впереди замаячило приземистое здание вокзала. До слуха – приглушённо сперва, но всё отчётливей и громче – начали доноситься бодрые звуки оркестра.

Похоже, их тут встречали.

Мартин приподнялся и с возгласом «Здравствуй, столица!» помахал рукой в окно. Мечеслав же застыл и наблюдал, как приближалась огромная арка – массивная, красного кирпича. Над проходом высились угловатые буквы: «Приветствуем сюда входящих».

Так вот он, Ринордийск.

Оставив Мартина, – тот уверенно умчался на квартиру какой-то своей давней знакомой – он осмотрелся, думая, куда же теперь.

В общежитие сейчас не хотелось – успеется. Он не последовал примеру Мартина и решил всё же остановиться в законно выделенных государством апартаментах. У Мечеслава тоже были свои люди в Ринордийске – старший брат, Георг. Но у того семья, и стеснять их было бы совершенно излишне.

Он всё же пришёл по тому самому адресу и постучался в дверь. Никто не открыл. Похоже было – по гулкой тишине, стоявшей за пухлой тёмно-красной обивкой, – что никого нет дома.

Жаль, много лет не виделись. Что ж, значит, попозже.

Решив так для себя, он вышел снова на улицу и направился наугад, куда выведут тротуары и перекрёстки, сам же с интересом осматривался по сторонам.

Ринордийск вырос. Мечеслав никогда не бывал здесь прежде, но, конечно, видел город на фотографиях, читал старые хроники. По телевидению постоянно сейчас крутились съёмки с новых строек и открытых объектов. Теперь же можно увидеть всё воочию. Новенькие многоэтажки, которых совсем не коснулось время, вставали тут и там. Где-то даже не убрали ещё строительные краны, и их стрелы высились далеко в голубом небе.

Мечеславу нравилось, что оно так. Здесь кипела жизнь в буйной своей и наивной устремлённости, какая бывает только на самой заре нового дня. Он и сам был готов тянуться вслед за кранами, туда, к вершинам, хоть и заниматься ему предстояло ровно обратным. Впрочем, оценив по достоинству масштабы достижений, он быстро понял, что для живых людей эти места ещё не успели обустроить. Перекусить же хотелось довольно сильно, и, движимый этим, он свернул к центру, к старым районам.

Центральный городской парк можно было заметить издали: взгляд сразу цеплялся за большое чёртово колесо и его цветные, медленно ползущие дугой кабинки.

Он подошёл и понял, что это не обман зрения: они действительно вращались странно медленно, будто во сне. Нескончаемым караваном – зеленоватая, терракотово-розовая, бледно-жёлтая – они тянулись под шарманочную мелодию, выпорхнувшую, наверно, из старинной музыкальной шкатулки. Вокруг колеса толпились люди, особенно много детей, но не только. Наверняка все они уже бывали здесь и не один раз, но что-то снова влекло их сюда. Может быть, шарманочная мелодия? Откроется метро – скорее всего, устремятся точно так же.

Они ходили, ели мороженое, указывали пальцами туда и сюда. Мечеслав, забыв на минуту о завтраке, присел на скамейку поодаль. Отсюда было удобно наблюдать за всем сразу, а его самого скрывали от излишне любопытного взора древесные тени.

Странно было думать, что это и есть тот самый город – тот, столица. Город холмов и торжественных арок; город злобного царя Гургблика, оставшегося в тёмных преданиях старины, и куда более осязаемого императора Виктора IV, чьи величественные победы стоили не менее величественных жертв для населения; город, не знавший войн, – последняя остановилась в шаге от его окраин – баловень судьбы и вечный её испытываемый. Город, где в плохие времена сами по себе бьют часы на башне, не останавливаясь несколько суток, а мост над рекой переносится в доказательство правоты маленькой девочки на двести метров вниз по течению и остаётся стоять там до наших дней.

Теперь всего этого нет и следа. Только центр остался, как далёкая и великая столица из народных сказок: мы поедем на ярмарку, что тебе привезти, это надо в столицу, к самому царю, авось он и поможет, здравствуй, стольный град, здравствуй и ты, добрый человек.

Время у него оставалось: работы должны были начаться только завтра, а значит, можно окунуться в оживлённую кутерьму на один день. Это было совсем не похоже на уединённое молчание небоскрёбов северо-запада.

Вспомнив, что хорошо бы позавтракать, Мечеслав расположился в крытом летнем кафе. Здесь было вполне неплохо, а длинные кусочки жареной картошки оказались очень к месту и прибавили радости жизни. Лёгкий ветерок залетал под навесы и колыхал полиэтилен, где-то звенели тарелки и приглушённые голоса служащих, полуденное умиротворение царило всюду.

Глубокое, спокойное лето в самой своей середине.

Вечерний трамвай был полон людей, шуршаний и пряных запахов. Стоя в этом общем пространстве, зачем-то объединившем незнакомых, он по привычке изучал взглядом всё вокруг – то в одном направлении, то в другом... Люди теснились, и им не было дела, они смотрели в свои стороны или никуда.

Девушка стояла напротив. Чуть поодаль, ближе к другому ряду кресел. Она перехватила случайный взгляд Мечеслава, повременила – как бы затем, чтоб убедиться, что он и вправду смотрит, – потом отвернулась.

Он смутился было, но заметив, что она больше не смотрит, успокоился и ещё немного задержал взгляд на ней: было что-то странно архитектурное в длинных чёрных пружинках её кудрей, он не успел понять, что именно.

Трамвай тряхнуло, резко кинуло вперёд. Сверху просыпалось и пролетело за стеклом немного рыжеватых искр.

– Эй, ну что там?

– Остановка?

– Да какая остановка!

– Чё встали-то?

Водитель, по-видимому, не счёл нужным отвечать ни на одно из замечаний, но вместо этого довольно скоро привёл машину в движение. Трамвай плавно, хоть поначалу не очень быстро, двинулся дальше.

Сочтя, что прервавший его мысли инцидент исчерпан, он отвернулся от кабинки водителя к толпе сидевших и стоявших пассажиров. Девушки среди них не было.

Только странный, чуть покалывающий запах висел в воздухе – сухой и тёмный запах земли, тяжёлый и тёплый одновременно. Будто повеяло вдруг разрытыми глубинами.

Близилось к десяти, когда он добрался до места пробных разработок. Мартин, прибывший раньше и уже о чём-то болтавший с рабочими, отвлёкся на мгновение и приветственно помахал рукой.

Здесь уже был котлован, он затронул плоскую вершину пригорка, и сухая пыль крутилась в прогретом солнцем воздухе. Экскаваторы и бульдозеры отдыхали неподалёку. Мечеслав взошёл на огороженную сеткой площадку. Всё это, бывшее здесь, в таком осязаемом материальном виде, всё это несколько сбивало, нарушало выстроенные на бумаге схемы: Мечеслав никогда раньше не работал на местности – только с чертежами и планами, разве что несколько раз наблюдал, как происходит это под руководством других. В смутной надежде, что процесс, быть может, уже пошёл, и ему самому будет, куда втянуться, он приблизился к Мартину.

– Ну что там внизу? Не прикидывали?

– Тебя дожидались, – одновременно весело и как-то яростно кинул Мартин. – Ты же у нас специалист.

Заявление это – на всё то время, что Мечеслав на платформе спускался вниз, – озадачило. Безусловно, именно он тщательно штудировал все доступные материалы по аналогичным зарубежным разработкам и это он был инженером, на которого равнялись многие товарищи

по цеху. Но сейчас показалось на миг, что он ничего не смыслит, что ему случайно доверили эту важную роль, – потому только, что не нашлось никого другого.

Стоило, однако, спуститься на дно котлована, как постепенно всё начало проясняться. Схемы и расчёты вдруг сошлись с реальной каменной породой перед глазами, и Мечеславу представилось, что он видит, как это должно быть здесь, на месте. И когда он излагал ставшим подле рабочим и техникам, откуда и каким образом следует, похоже, начинать, то уже практически не сомневался в своей правоте. Здесь будет первая штольня, тут – свод, прочный камень позволяет сразу приступить к нему... Массивы земли, обступившей вокруг и уходящей далеко наверх, отчего-то придавали уверенности и сил.

Даже то, как без особого доверия слушал бригадир (иногда он скептически хмыкал, хотя не прерывал), не смущало. Как это зачастую водилось после революции, здесь не было начальства и подчинённых в полном смысле слова, но, похоже, верховодящая роль пока доставалась Мечеславу: «специалисты» рангом выше тут попросту отсутствовали сегодня. Он, однако, несколько раз призвал в помощь напарника в подтверждение своих слов – эй, Мартин, взгляни, ты со всем согласен? Мартин был согласен, хотя что-то, казалось, слегка насторожило его. Но да, Слава, твои расчёты верны, если только нас не подвели высшие инстанции: им с северо-запада не очень видать.

Потом чуть в сторонке Мечеслав тихо, чтоб не услышали рабочие, спросил:

– Что не так-то? По-моему, просто идеально подходит.

Мартин, сидя на корточках, перебирал упавшие на дно осколки и чему-то хмурился:

– Песчаник... Крошиться будет.

– В песках строят!

– Они умеют...

– И мы научимся!

Мартин цвиркнул на это сквозь зубы, но отпустил маленький осколок и поднялся. Тот глухо упал на дно котлована.

– Будет крошиться – будем укреплять лучше, – заключил Мечеслав. – Это всё решаемо.

Всё тут же: вот та же дверь с пухлой тёмно-красной обивкой, те же ребристые пуговицы глухо поплёскивают на ней, та же двухцветная – белая наверху, ярко-голубая внизу – стена, но звонка нет. Странно, что не установят себе...

Мечеслав постучал. Сквозь отдалённый рокошущий говор (видимо, телевизор) послышались осторожные шаги. Они приблизились, и маленькая светловолосая девушка робко выглянула наружу, но в следующий же миг признала гостя.

– Дядя Слава! – она радостно повисла у него на шее. Мечеслав осторожно обнял её в ответ.

– Здравствуй, Машенька.

Она будто бы вспомнила, что не дала ему даже войти, и, засмутившись, отступила обратно к двери:

– Пойдёмте, папа сейчас дома! Он сказал, что вы звонили... Наверно, ждёт вас!

Георг и вправду был дома: сидел за столом в своей маленькой комнатке и перебирал письма в свете настольной лампы. Но вот ждал ли он сейчас брата...

Впрочем, услышав, Георг оторвался от своего занятия и поднял лицо с несколько усталой, но тёплой улыбкой.

– Здравствуй, – кивнул он.

– Не помешал? – Мечеслав шагнул в комнату и расположился на краешке потрёпанной софы.

– Нет, конечно. Просто разгребаю почту. Постоянно накапливается за несколько недель...

– Невежливо ты с адресантами, – пошутил он.

– Не получается по-другому, Слав. И хотел бы, но зачастую просто не до этого. Как ты?

– Да я-то что, – он отмахнулся. – Сегодня здесь, завтра там, куда ветер занесёт. Вы-то...

– Комнату нормальную дали? – тихо, но настойчиво перебил Георг.

– Да, хорошая комната. Света много, плитка электрическая... Радио вроде есть. И всё это – мне одному. Вы-то сами как?

– Мы сами?.. – Георг повременил отвечать, рассеянно взглянул на плафон, из-под которого выбивался свет. – Ничего, потихоньку справляемся. Сейчас, правда, вся эта суета с бумагами, весь архив сутками на ушах, перекапываешь-переправляешь всё по несколько раз на день... Ну, это понятно: в исторический момент живём. Фактически, – он поднял указательный палец и вновь мягко улыбнулся из своей бороды, – мы ведь живые свидетели зарождения эпохи. Как тебе это нравится?

– Внукам потом расскажешь, – усмехнулся Мечеслав.

– Ну, тебе, положим, будет больше чего рассказать... Тем более слушать про подземелья всяко интереснее, чем про какие-то бумажки.

– Я бы не утверждал так однозначно, – заспорил он было, но тут понял, что Георг, хоть и поддерживает разговор, параллельно задумался о чём-то своём, сугубо личном.

Вполголоса, чтоб не услышали в соседних комнатах, Мечеслав спросил:

– Как Машенька?

– Машенька... – Георг приглушённо засмеялся и осторожно, как-то бережно махнул рукой. – Тихоня. Как школу закончила, так все дни напролёт дома – это в восемнадцать лет... Вчера её Ника насилу в обсерваторию вытащила – как раз, наверно, ты приходил. Ну, ещё заказы иногда берёт, шьёт что-то... Но тоже всё через прежних своих подруг, – он коротко взглянул на Мечеслава и не очень весело чему-то усмехнулся. – Ты просто сказал про внуков. И я немного задумался.

– Что, есть кто-то на примете?

– Ну, как сказать...

Георг мимоходом поднял один из конвертов, машинально прочитал надпись на нём, но едва ли что-то запомнил.

– Есть тут один молодой человек, заходит к ней иногда. Алексей... Алексей Лунев. Поэт. Может, слышал?

Мечеслав покачал головой.

– Ну да, он начинающий, – кивнул Георг. – Это вообще-то Никин знакомый, он к ней изначально захаживал. Ну, она же с издательствами знается, всё такое... Ты помнишь.

– Он за этим захаживал?

– Да, он очень упорный в этом плане, – Георг снова покивал. – Но странный... Странный человек, да.

Мечеслав хотел спросить, в чём странности, а может, Георг рассказал бы и сам, но тут со стороны кухни донеслось призывное «Мальчики...», и через секунду в дверях показалась сама Ника:

– Ну что, чай будем? Или не очень?

В обычной своей манере она говорила так, будто скажет сейчас что-то очень смешное, глаза же в это время внимательно и цепко изучали, прикидывая, чем вернее сразить вас наповал.

И кстати, жёлтый передник ей очень шёл.

– Будем, конечно, – Георг тепло улыбнулся жене, и она оставила их, предоставив самим добраться до кухни. Георг, поднявшись и задев стул, сдвинул его с места, поправил, кивнул Мечеславу. – Пойдём.

Морковное печенье было приятно, оно отдавало какими-то специями – наверно, из волшебной старины – и теплом невидимого камина. В соседней комнате высоким, чуть надтреснутым голосом сипел телевизор.

– Я это, в общем-то, к чему, про подземелья, – проговорил Георг и продолжил так, будто на этом они и прервались. – Мы с тобой оба – копатели. Только ты сейчас, по сути, копаешься в прошлом, а я в настоящем. А прошлое – оно, знаешь, всегда интереснее...

– Ну вот! – с шутливым недовольством Мечеслав возвёл руки.

– Нет, серьёзно. Ты подумай... Прошлое всегда манит, в нём есть какая-то красивая дымка, флёр благородности и некой другой, *настоящей* жизни – почему-то всегда более настоящей, чем теперь. Может быть, эффекты освещения... Дальнее часто предстаёт в другом свете. А может, в самом деле, большое лучше видится на расстоянии. Нет, ну вот попробуй представить: знал ли генерал Чечёткин, когда направлял остатки своей армии в последний бой, что враги тоже обречены, что они зашли слишком далеко в болота и не выберутся обратно? Знала ли дева Летенция, поджигая свой жертвенный костёр, что люди веками будут петь о ней в песне – о птице-деве, спасшей город?

– Летенция, может, и знала, – усмехнулся Мечеслав.

– Ну, это, конечно, легенда, – отмахнулся Георг. – Но легенды тоже правдивы в глубине своей. Суть одна: ни у кого из тех людей и в мыслях не мелькало, что они вот в этот самый момент совершают поступок исторической значимости, – не до того им было. Это только мы теперь можем взглянуть со стороны и оценить: вот как случилось, вот какие великие дела совершались. А мы... что мы... Мы в настоящем – скучном, обыденном. У нас тут мелкий быт, обстоятельства и всякие отвлекающие необходимости – ни разу не красивые и не великие, – он чуть грустно, чуть насмешливо улыбнулся; хорошо знакомая его улыбка, неизменно говорящая: «ну, ты-то понял, что я на самом деле имею в виду».

– Поэтому, – заключил Георг, – прошлое всегда притягивает, даже если это Великая война или времена царя Гурголика.

Мечеслав дожевдал печенье.

– Не знаю, как там с Гурголиком, – он слизнул с пальцев крошки. – Но, по-моему, сейчас самое что ни на есть прекрасное время. Вокруг всё вырастает на глазах, переменяется вмиг там, где раньше ушли бы века... Ты слышал про субмарину, А-114?

– Только не говори, что причастен, – рассмеялся Георг.

– Я – нет... Там другие люди, профи в этом деле. Но я отслеживал, как всё идёт, ещё когда только начались работы. Мне было интересно, получится ли что-то из этой затеи и что именно. И... ты представляешь, в начале этого года они построили первый экземпляр! Скоро проверят в полевых условиях, и если да... Субмарина – представляешь, Георг? Не те подлодки, что были в войну, а настоящий глубоководный корабль. Сможет спускаться туда, где вообще ещё не бывал человек.

Георг, задумчиво улыбающийся в течение всей этой речи, смотрел в свою чашку чая и иногда кивал.

– Знаешь, – сказал он наконец, – в тебе уцелело одно замечательное свойство: ты понимаешь, что удивительное и впрямь удивительно. Люди с возрастом обычно утрачивают это. Да и не обязательно с возрастом... – он вслушался в шум телевизора за стеной и мотнул головой в ту сторону. – Думаешь, ей есть дело, что когда-то этот ящик был в диковинку? Она росла с ним.

Ника, проходя мимо, бегло и точно оценила наполненность вазетки, подкинула ещё печенье.

Трамваи уже не ходили, но он, пожалуй, и не сел бы, даже если бы ходили. Выпал шанс пройтись по огромному вечернему городу, как во всех этих книжках про старину и другие страны, – возможность, которой Мечеслав был лишён все двадцать девять лет своей жизни.

Ну, пройдишь от одного угла поселения до другого, только что тебе тут понадобилось? Если уж не спится, то лучше взирать со своего надцатого этажа на яркие небесные звёзды или на дальние многоэтажки, что теснятся на другом пяточке болот, в десятках километров отсюда, – тянущиеся ввысь зажжённые свечки.

Ринордийск был другим. Он никуда не тянулся, а, скорее, стлался по земле – изгибающиеся, сплетённые, будто пляской, стены и вершины: театры, прикидывающиеся древними храмами, или, наоборот, храмы, похожие на театр. Вон выплыл чей-то силуэт на скате крыши – горгулья? Хотя нет... пожалуй, слишком изящно для горгульи.

Мечеслав вышел к набережной, облокотился ненадолго о парапет.

Похоже, он всё-таки заблудился.

Впрочем, если здесь река, то где-то поблизости должна быть и Главная площадь. Чуть ли не вот этот мост (огни по краям превращали его в светящуюся линию на чёрной воде) выводит на неё. Вполне даже возможно, что это Передвижный мост – да, тот, что сам перенёсся на двести метров вниз по течению. Мечеслав вспомнил эту легенду и улыбнулся детской наивности того, кто её придумал.

К площади ему сейчас было не надо, а вот если двинуться вдоль набережной, то так он точно не собьётся.

По правую руку, между ним и рекой, вставали теперь в ряд фонари. В их молочном свете угадывалось лёгкое выющееся движение – наверно, это кружили бабочки.

Не было ещё ночи, и странные огни блуждали за стеклом, поэтому он включил свет в комнате, чтоб просмотреть ещё раз планы и сводки.

Один из крайних северо-восточных холмов, Железистая долина... Именно в это место на карте ткнул в конце своего доклада главный идеолог проекта, Денис Себастьянович – ткнул неожиданно робко и тут же заговорил, что это только предложение и сам он начал бы отсюда, но если у кого-то есть другие соображения... Будто в последний момент испугался взять ответственность за всё, что последует. Как же давно это было...

Мечеслав развернул карту. Свет настольной лампы чётче вычертил знакомые контуры, линии будущих путей, проведённые фиолетовыми чернилами, и мелкие рукописные пометки.

Нет, карты тут явно не хватало: её Мечеслав видел уже десятки раз, а что всё-таки представляют из себя эти места, до сих пор толком не знал. А хотелось понимать, хотя бы в дань уважения, через какие земли взялись они прокапываться – с северо-запада на юго-восток столицы.

На книжной полке лежала среди прочего «Энциклопедия истории Ринордийска», Мечеслав заметил ещё вчера. Наверно, осталась от бывших жильцов. Он встал за книжкой, попутно включил плитку под чайником, чтоб не ждать потом, пока закипит.

Железистая долина теперь чаще всего упоминалась в связи с войной: именно отсюда в Ринордийск пытались пробиться вражеские войска, зайдя с тыла, и где-то тут же им дали бой партизаны – небольшая горстка не слишком подготовленных людей, которых хватило, чтобы сдержать наступление ровно до подхода ринордийского полка (тот базировался на другом краю города).

Но не только лишь с войной. Помимо прочего, – закипел чайник, Мечеслав отключил плитку и перевернул страницу – на этом месте император Тимофей собирался построить Дворец Народов, первый в Ринордийске (но неудавшийся) небоскрёб. Конструкция должна была раздаваться вширь у основания и ступенями всё больше сужаться кверху, чтоб увенчаться тонким шпилем. Но что-то не задалось с самого начала: почва не подходила, или вдруг не хватало материалов, или ещё что (может, тогда просто не умели строить небоскрёбы)... Поговаривали даже, что так сводили счёты неуспокоенные души (по непроверенным данным, здесь

же, в рощице по другую сторону холма, ликвидировали неугодных бравые ребята Виктора IV – всего лет за пятнадцать до).

А ещё раньше – не отрывая взгляд от узких строчек, Мечеслав всё же привстал и ощупью налил себе чай – в долине обитали отшельники: не те, которые совсем порвали с обществом людей, а те, которые по жизни привыкли держаться особняком. Среди них были и талантливые искусники, мастера, оставшиеся на страницах истории: например, гравировщик Пётров, чья самая известная работа – загадочный «Вечнодень» – и теперь то и дело встречалась на страницах детских и взрослых книг. Мечеслав всмотрелся в узкие тёмные силуэты Ринордийска над дугой моста и чёрной речкой (говорят, каждая копия выходит чуть-чуть по-другому), даже провёл пальцами. Хотя наверняка тоже копия с очередной копии, да и само уже по определению копия.

Ну а в совсем древние времена...

Что-то стукнуло в стекло – громко ударило, будто бросилось со всего размаху. Мечеслав встал и, подойдя к окну, посмотрел наружу.

Нет, ничего. Он открыл одну створку, выглянул дальше. Всё равно ничего. Наверно, птица или бабочка...

Ну ладно.

В совсем древние времена на холме у Железистой долины находились Ворота Ветров – одни из семи, или двенадцати, или сколько их там было. Ворота Ветров представляли собой странного вида конструкцию из дерева и, порою, камней, больше всего похожую на косяк огромной двери, вкопанный прямо в землю. Эти узкие, довольно высокие рамы на вершинах холмов призваны были направлять ветра, что пересекали Ринордийск: считалось, что таким образом можно править самой судьбой и защитить город от напастей. Но горе, если кто-то случайно или со злым умыслом повредит Ворота...

А ведь если принять эту точку за место расположения Ворот, – подумалось Мечеславу, – то работы, пожалуй, можно счесть вторжением. Конечно, это не всерьёз. Но мысль была забавная.

Внезапно громко зашумела листва в темноте за окном, и несколько холодных порывов ворвалось в комнату.

Не было ещё ночи, и странные огни блуждали за стеклом – холодно-лиловые, иногда рыжие или пурпурные. Они перебегали туда и сюда по стенам и мебели, будто специально хотели потревожить, – ворвавшиеся незваные гости.

Когда он станет знаменитым поэтом и будет жить отдельно, он никому не позволит к себе врываться.

Конечно, знаменитым он вряд ли когда-то станет. Даже известным в кругах сильно шире, чем сейчас, – далеко не факт. Это Лунев прекрасно понимал, не совсем же он оторван от нормальной реальности. Но мысли о – вдруг! всё-таки! – сбывшемся будущем иногда грели, как греет свет в чужом незнакомом окошке, когда ты один идёшь сквозь холод и сумрак улицы.

Нет, всё это бред и сплошь ерунда. Если подумать – нормально, по-человечески подумать, – то как раз сейчас всё отлично, всё просто замечательно. Отсветы за окном – это просто отсветы за окном, а скоро на небо всплывёт большая серебристая луна, и комната наполнится её лучами, почти невидимыми и осязаемыми только самыми кончиками пальцев. От призрачного этого соприкосновения вспыхивают маленькие прозрачные огоньки, у них нет имени или названия. Тогда отступят, будто насовсем, тревога и вязкая тоска; вынырнут откуда-то из глубин... нет, не мысли, даже не образы – тянущиеся ниточки бессвязных пока слов, что сплетаются по своему усмотрению и тянут за собой другие... А теперь отстранись на шаг и глянь, какой красивый получился узор.

Иногда он их записывал. Иногда хватало парить среди них и, любуясь, слушать перезвон – почти как колокольчики. Последнее было приятно, но пусто и ничего не давало: никто ведь не слышал и не видел этого, кроме него одного. Конечно, некоторые проводят так дни и годы – мечтатели не от мира сего... Но он-то *всерьёз* называл себя поэтом.

Лиловые огни мигнули (похоже, друг другу) и убралась из комнаты. Вот так, – Лунев, усмехнувшись, подошёл к окну, поправил занавеску. Издержки не в меру впечатлительной натуры, которая на самом деле была не совсем им, но старательно им лелеялась и охранялась. Так охраняют нечто самое лучшее, самое ценное, что ни в коем случае нельзя утратить, даже если будет рушиться весь мир вокруг.

Потому что тогда, может быть, – именно в тот момент – натура эта поднимет голову на звук скрипнувшей потайной дверцы. И когда то, что придёт из-за дверцы, будет здесь...

Что тогда?

Скорее всего, ничего, – подумал он. Здесь нет дверец. Одни колокольчики.

Посреди тишины вдруг ветер ударил в окно, швырнулся о стекло пригоршней оборванных листьев.

– В чём дело, моя радость? – поинтересовался он у Мартина.

За все дни работы они пробурились порядочно вглубь, и на поддержку свода вставало всё больше арок. Мартин не сказал более ни слова против, но ему всё равно что-то не нравилось, это было заметно.

– От радости слышу, – беззлобно отозвался он, но на вопрос отвечать не стал.

– Ну ведь не в песчанике? Бред же.

– Песчаник – бред, – охотно согласился напарник, но снова не продолжил. Не похоже это было на него: из них двоих именно Мартин обычно трещал без умолку.

Мечеслав усмехнулся:

– Давай начистоту, тебе просто далеко ездить отсюда до твоей пассии. Да?

– Вовсе нет. И она мне не пассия, – Мартин окинул взором уходящие вниз стенки котлована и рабочих у входа в штольню. – Тут другое... Знаешь, бывает так, что вроде всё правильно, прицепиться не к чему. А ты всё равно чувствуешь, что что-то здесь не то. Спросят – даже объяснить толком не сможешь, но вот чувствуешь.

Мечеслав знал это ощущение, знал также, что зачастую оно не обманывает. У него самого, правда, ничего подобного здесь не возникало, но чутью Мартина можно было и поверить. Мартин – в своей области профи, хотя злобно-насмешливая и ёрническая его манера отталкивала многих людей их круга: большинство из них не выносило Мартина дольше пары часов – эпизодически и по большой необходимости. Только Мечеслав и сработался с ним – да так, что не в паре их уже воспринимали с трудом и за глаза в шутку называли М и М.

Но в него-то самого это место, наоборот, вселяло необъяснимую уверенность, каждый раз, как он бывал здесь.

– Не знаю, я никаких подвохов не вижу, – проговорил наконец Мечеслав. – Если у конструктора и у куратора тоже не будет возражений, то ты в меньшинстве.

– С куратором я уже говорил, – Мартин кинул хмурый взгляд по сторонам. – Он ничего не смыслит. Это просто человек от местного правительства – что скажут, то и подпишет.

Мечеслав хотел было спросить, когда он успел к куратору – как он вообще всюду успевает и заранее оказывается в курсе всего, – но тут Мартина окликнул бригадир, и тот отошёл узнать, в чём дело.

Вот рабочие почему-то держали Мартина за своего, хотя это были всё местные рабочие, а Мартин тоже в Ринордийске впервые, да ещё и из «специалистов». О чём они там болтали на перерывах, чему смеялись – этого Мечеслав не знал, да и не стремился узнать, это было отчего-то неловко.

Мартин вернулся.

– Там сложный кусок, надо медленно и аккуратно. Они хотят сейчас перерыв устроить, чтоб потом не отвлекаться.

– Ну, – кивнул Мечеслав.

– Что «ну»?

– А что?

– Твоё веское слово.

– Моё-то с чего? – он недоумённо пожал плечами. – Я, считай, сопровождающий.

– Нее, Славочка, мы же не при императорах. В наше время кто понимает хоть чуть-чуть, что делать, тот и заправляет. Так что сейчас ты здесь у них за главного начальника.

– Ну, я, положим, не против, чтоб они ушли на перерыв. Если это так важно.

– Отлично, так и передам.

Пока они сгрудились по обыкновению у переносного буфета, Мечеслав стоял в стороне, облокотившись осторожно о спусковую платформу. С края котлована виден был вход в штольню. «Сложный кусок» лежал совсем недалеко от него, но уже был спрятан от глаз густыми тёмными слоями земли.

У оград площадки вдруг послышался голос – глухое невнятное бормотание:

– Чёрный огонь, чёрный... Гобелен ваш сгорит.

Голоса рабочих как-то вдруг умолкли. Мечеслав обернулся и увидел поодаль низкую согбенную фигуру: старуха в тёмной грязноватой одежде подбиралась к заграждениям.

– Весь до ниточки сгорит... Чёрное солнце восходит над городом...

Он быстро подошёл туда же, где стояли все: отсюда было лучше видно.

– Опять эта сумасшедшая, – проговорил (видимо, специально для Мечеслава) один из рабочих, пожилой усатый мужчина. – Не слушайте её.

– Какая сумасшедшая? – не понял он.

– Реки заполнятся, и земля не примет мёртвых... Паук сплетает чёрную паутину, и висится трон до небес... – завывала старуха, подражая осеннему ветру, а ветер трепал её длинные седые патлы.

– Да есть тут одна. Предсказательница, – рабочий усмехнулся. – Будущее якобы видит.

– Вечно вот так придёт и бормочет всякий бред, – вставил другой, помоложе.

Одной рукой опершись на заграждение, вторую старуха вскинула в указующем жесте – к площадке и людям, что там стояли:

– Не себе копаете, не себе роете – листьями сухими разлетитесь по свету, и не сыщется вам покоя...

– И часто так появляется? – поинтересовался Мечеслав.

К старухе вдруг подбежала девчушка – несколько странного, можно сказать, старомодного вида.

– Ну, бабушка, ну зачем ты им это рассказываешь? – она потянула старуху за руку. – Они же всего лишь люди.

– Всех вас ветер унесёт, всех унесёт...

– Бабушка, ну, пойдём. Пойдём!

– А, Сибилла, – проговорил рабочий. – Явилась успокаивать. Сейчас уведёт её...

– Сибилла? – повторил Мартин. – Кто такая?

– Внучка, – рабочий кивнул на старуху. – Так-то они все Сибиллы, это просто младшая.

– И сколько ей лет? – поинтересовался Мартин.

– Тебе зачем? – тот зыркнул на него, усмехнулся. – Оставь. У них вся семейка с приветом. Эта, конечно, понормальнее, но тоже того.

Девчушка обхватила теперь старуху за плечи и смогла оттащить её на шаг от заграждений, но та вдруг вырвалась и, воздев обе руки, прокричала:

– Эта земля проклята! Проклята!

От голоса её – хриплого вороньего карканья – над площадкой повеяло вдруг холодком, и даже ветер как будто усилился на мгновение. Сибилла-младшая вновь кинулась увещевать и упрашивать, старуха же, по всей видимости, сказав всё, что хотела, теперь с гордым и спокойным видом развернулась и удалилась, опираясь на руку внучки.

– Точно сумасшедшая, – пробормотал кто-то. Все невольно притихли немного, хоть и всего на полминуты. Потом же – может, даже излишне весело – рассмеялись.

– Ладно, идёмте уже...

Грохот камней сотряс воздух – рвущий, острый, разнёсся вниз и вглубь, прошёл толчком по земле под ногами. Все они обернулись: над котлованом поднималась густая тяжёлая пыль.

Никого сейчас не было внизу: бригаде повезло несказанно. Только подумав это, в следующую секунду Мечеслав рванулся к платформе. Нужно было срочно спуститься: увидеть своими глазами, что же там обрушилось.

– Не лезьте пока, – рабочий у края котлована механически вскинул руку, загораживая путь, но на Мечеслава не взглянул, а следил внимательно, как оседала пыль внизу.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем можно было спуститься на дно котлована. Не ожидая, когда все они подтянутся, Мечеслав нырнул в штольню, быстро продвинулся до самого забоя.

Узкая щель проходила сверху вниз, и, хотя свет ламп долетал туда слабо, казалось, что за щелью – пустое пространство. Оттуда, из темноты шёл сыроватый воздух и чуть слышно гудел, пробираясь между краями разлома.

– Ну, что там? – негромко спросил Мартин, неожиданно оказавшись за плечом.

– Не знаю... Похоже на пещеру.

Притащили фонарь, и они постарались высветить что-нибудь в непроглядном мраке. Вот показалась стена, невысокий потолок... Он уходил под уклон, и дальше свет заканчивался и тонул в темноте – да там, кажется, целый тоннель. Здесь же, у края расщелины...

Фонарь дёрнулся (он оказался тяжелее, чем думалось), Мартин подхватил его снизу:

– Осторожно ты!

– А ну-ка, смотри, что там, – Мечеслав потянул фонарь чуть на себя, чтоб осветить потёмки внизу.

Затаив дыхание, они всматривались какое-то время в смутные очертания. Переглянулись.

– Ступени, – проговорил Мечеслав.

– Ступени, – подтвердил Мартин.

– То есть... Ты понимаешь? – у него почти пропал голос, и весь восторг он мог выразить только взглядом, обращённым к напарнику. – Здесь кто-то был. Здесь *уже до нас* кто-то был.

Ночь напролёт ему чудилось странное: будто бы земля наваливается на него, сыплется откуда-то сверху, давит на грудь, но спадает в сторону и не придавливает уж совсем.

Проснулся, однако, Мечеслав здорово отдохнувшим и готов был хоть сейчас мчаться к месту стройки, хотя для работ было ещё рановато. Но позвонил Мартин.

– Сегодня не надо, – сказал он. – Там хотят расширять вход, чтоб ещё чего не обвалилось. Это аккуратненько надо, растянется, может быть, на несколько дней. Так что тебе там пока делать нечего.

Мечеслав недовольно нахмурился – он не для того сюда приехал, чтоб сибаритствовать с таким размахом! Но никаких злых умыслов не было ведь ни у Мартина, ни у тех, кто хочет расчистить вход. Предварительных проб особо не брали, решили сообща, что лучше будет исследовать местные грунты непосредственно в процессе. Вот и исследуют теперь...

– Ладно, посмотрим, – сказал он только и положил трубку.

Ну хорошо, простой есть простой, обычное дело для таких проектов. Но уже не спалось и даже не сиделось в помещении. Он взглянул на часы: не было ещё и восьми. Наверно, Георг пока не на работе.

В минуту, когда Мечеслав постучался, Георг и вправду не был на работе, но уже стоял у дверей, застёгивая чуть потрёпанный, но представительный жакет. Он поднял голову, улыбнулся поспешно и самую малость нервно. Мечеслав вызвался проводить.

Пока он рассказывал про разработки, про обвал и про открывшийся тоннель под землёй, Георг слушал, не перебивая, но очень внимательно. Когда же Мечеслав закончил, слегка кивнул:

– То есть вечер у тебя свободен, как я понимаю.

– И вечер, и последующие два-три дня целиком. Ума не приложу, чем их занять... А что?

– Не хочешь сходить с Машенькой в театр?

– В театр? – удивился он.

– Да, сегодня в девять... Нам тут перепало два билета, – Георг посмотрел на него было чуть встревоженно, но тут же снова отвёл взгляд. – Я думал второй отдать этому Алексею, но... он пропал куда-то... не знаю. А Ника не хочет.

– А сам чего не сходишь?

– Работа, работа...

– В девять вечера?

Георг развёл руками.

– Загонишь себя, – Мечеслав покачал головой. – И так вон уже глаза красные.

– Должен же кто-то это делать, – негромко пробормотал Георг, отслеживая булыжники у себя под ногами. – А если не я, то кто же? У молодых толком ничего не получается, потом всё равно приходится переделывать... А Машенька к тому же давно с тобой не виделась. Мне кажется, она была бы рада, что ты пойдёшь с ней.

– Ну хорошо. Схожу.

– Вот это правильно, – Георг улыбнулся увереннее, впервые за сегодня. – Там будет Магда Терновольская в главной роли, а это хоть раз в жизни надо увидеть... «Вихри времени» – так называется спектакль.

Он подождал, пока брат скроется внутри серого приземистого здания Госархива, и медленно отправился дальше.

До вечера ещё много часов, возвращаться же в общежитие не особо хотелось. Мечеслав проверил, сможет ли он найти дорогу к театру (да, сможет), рассмотрел его горгулий с разъявленными ртами: по две на каждый угол и ещё какое-то количество расселось на случайных местах. Интересно, видны ли они, когда включается подсветка (Мечеслав был уверен, что вечером она включается).

Вблизи разглядел он и афишу: всё как сказал Георг, «Вихри времени», сегодня, девять вечера. С листка хитро улыбалась Магда Терновольская – спиной, вполоборота, встряхнув чёрными пружинистыми кудряшками. Мечеслав видел её до того на фото и пару раз по телевизору и потому узнал.

Убедившись, что всё верно, он отошёл, оставив за спиной фонтаны на театральной площади (простенькие, но хорошо устроенные). Слева ещё промелькнула башня – белой громадой она высилась над всеми другими зданиями и сверкала на солнце. Потом же Мечеслав свернул в переулки.

Магда Терновольская была культовой актрисой, сложно было не слышать о ней, живя в стране в это время. Никто, пожалуй, не мог теперь точно сказать, когда впервые она появилась на сцене, но в истории отечественного театра она уже осталась как мастер перевоплощений, а её ускользающую улыбку и прищур чуть раскосых глаз наверняка будет пытаться копировать не

одно поколение девочек и девушек. Но ни у кого из них не получится так же (хотя, возможно, получится по-другому).

Мечеслав приостановился у старого здания школы, оглядел сквозь забор пустые площадки и плотно закрытую железную дверь (похоже на запасной выход – наверно, удобно выскакивать прямо с лестниц во двор при необходимости срочно ретироваться). Впрочем, сейчас, в разгар лета, там никого не было. Уже ведь и выпускные должны были отгреметь.

Пока он смотрел, что-то легонько прошелестело сбоку и сразу же – позади. Мечеслав обернулся.

Но никого не увидел.

Ну, разве что... разве что за этим толстым стволом дерева мог кто-то затаиться: трепет сухих нижних веточек выдавал, что их потревожили.

– Э-эй? – негромко окликнул он, подступая на шаг к дереву. – Кто тут прячется? – и ещё на шаг.

Ему не ответили, и Мечеслав потихоньку обошёл дерево. С другой стороны тоже никого, но ему показалось, что кто-то успел быстро обогнуть ствол и снова спрятаться. Он шагнул следом, и вновь невидимка чуть-чуть опередил его.

Так они, вероятно, и будут кружить вокруг толстого дерева и каждый раз останавливаться по разные стороны. Можно, конечно, попытаться обмануть и резко повернуть в обратном направлении. Но Мечеслав был почти уверен, что опять обманут его.

Ну что ж, раз таинственный попутчик так не хочет показываться, невежливо, пожалуй, будет настаивать.

Мечеслав отступил от ствола, ещё какое-то время посмотрел с расстояния и, больше не оглядываясь, пошёл дальше. Позади, среди деревьев и кустов снова кто-то прошелестел, но он уже не стал оборачиваться.

Белой громадой башня высилась над всеми другими зданиями и сверкала на солнце. Оно венчало вершину, будто короной, а под пожаром – там, далеко внизу – суетились машины, и городские пути расходились дугами во все стороны света. Ринордийск жил своей жизнью, не замечая, как осеняет его ярчайшая из звёзд.

Лунев видел это сегодня днём – жаль, что не раньше. Об этом следовало написать, стоило воплотить в стихах: в этом было что-то очень важное, он и сам не понимал до конца что.

Но это не день, а может, и не два: слова застопорились и не шли, а он сегодня вечером намеревался посетить знакомую квартиру за пухлой тёмно-красной дверью. Можно, конечно, отложить на завтра... да хоть на неделю! Но нет, тогда можно тянуть бесконечно, а он и так уже слишком давно не бывал там.

Тем более там же заодно увидит и Машеньку. Но да, рукописи... Надо хоть перечитать их, перед тем как нести туда.

Перечитав, он, однако, заметил несколько мест определённо корявых, несколько незапланированных сбоев ритма и несколько непроизносимостей, если декламировать вслух. Он присел к столу, наскоро перечеркнул и написал по-другому, бросил быстрый взгляд на часы (начало шестого, чёрт, уже становится поздновато), кое-где перечеркнул ещё раз, поменял снова. Местами получилось, возможно, даже хуже, чем было, но зато придраться с точки зрения техники стало сложно (а на это она ведь и будет смотреть, если зайдёт речь об издателях, не так ли?) Торопясь и стараясь не ошибаться буквами, Лунев переписал исправленное начисто.

Взглянув ещё раз на часы, он решил, что время уже не имеет особого значения, и, поддавшись внезапному порыву, начал про башню. Всё, что было до этого, – на самом деле ерунда и неважно, поделки; это же совсем другое, настоящее, вот что ему надо было писать вместо чепуховой игры слов. Но что-то сейчас не пошло, огоньки не загорались, всё было не так, и не так, и снова не так...

Нет, – в который раз напомнил себе Лунев, – так не пойдёт. Так не делается: наскоком, в спешке, из-за того, что запланирована встреча. Гораздо лучше сделать это после – в ночной тишине, где ничто не отвлекает и не надо ни за чем гнаться.

Он убрал ненужные бумаги, сложил нужные, в последний раз посмотрел на часы. Почти восемь. Ничего, позднее посещение – тоже хороший вариант.

Но он, наверно, где-то не там свернул по пути и довольно долго блуждал по местам почти незнакомым, поэтому подошёл к искомому дому даже позже, чем планировал. Это отозвалось каким-то неприятным чувством – будто к чему-то важному он уже опоздал и тут ничего не напишешь. Впрочем, в окне горел свет (кажется, это кухня), и Лунев вошёл в подъезд.

Дверь открыла Вероника Николаевна. Она, как повелось, была в жёлтом переднике, который придавал ей странное сходство с фронтовым бойцом в форме.

– Добрый вечер, – приветливо проговорила она, оглядывая Лунева с любопытством естествоиспытателя. – Если вы к Машеньке, то её нет дома.

– Да? А где она? – неожиданно для себя поинтересовался он.

– В театре, – Вероника Николаевна продолжала стоять в дверях и впускать Лунева, судя по всему, не торопилась. – Со своим дядей.

Ему вдруг стало понятно, что без Машеньки будет уже совсем не то: этот визит терял теперь не то чтобы смысл, но львиную долю своей прелести.

– Да я, в общем-то, не к ней, – торопливо заверил Лунев. – Я к вам, если позволите.

Смерив его всё тем же любопытствующим взглядом, Вероника Николаевна отступила от двери:

– Ну заходите.

Вероника Николаевна не нравилась ему. Несмотря на видимую дружелюбность и мирные светлые кудряшки, болтающиеся у ушей, в стальных её глазах проскальзывало порой что-то почти хищное. Казалось, ей ничего не стоит свернуть вам шею, просто она по каким-то своим причинам не будет этого делать.

Пригласив Лунева пройти на кухню, она взглянула на рукописи, которые он достал, кивнула и присела с ними к небольшому столику. Лунев отступил и там, поодаль, ждал, пока она вооружится узкими, почти незаметными очками и обратится к текстам.

Просмотрев, – кажется, даже не до конца – она отложила листок и, прикрыв глаза, потёрла переносицу, будто написанное причиняло ей дискомфорт физический.

– Господин Лунев, – она сняла очки и открыла глаза. – У вас есть прекрасный собственный стиль. Зачем вы подражаете?

На столь неожиданный вопрос он не нашёлся что ответить, и только глупо пробормотал:

– Я подражаю?

– Да, – Вероника Николаевна прямо и открыто смотрела на него серыми ледышками. – Поэтам Новой волны. Геннадию Фёрчину, Мелиссе Таубанской... Раньше у вас это бывало эпизодически, теперь же вы злоупотребляете.

Он неловко пожал плечами, покачал головой:

– Их стихи сейчас везде на слуху, наверно, они на меня повлияли... Это получилось помимо моей воли.

– У вас такая слабая воля? – Вероника Николаевна чуть вскинула брови.

Чего она хочет, чёрт возьми?

– Мне казалось, – осторожно начал Лунев, – мне казалось, что если они на слуху, то в них должно быть что-то, что притягивает к ним... Что-то, что отвечает вкусу и побуждениям сегодняшней публики. А ведь для поэта, как мне думается, важно улавливать голос масс.

– Верно, – кивнула Вероника Николаевна. – Но это только одна сторона. Вторая же – в том, что поэт ведёт эти массы за собой. А для этого он должен быть твёрдым, как камень, как гранит, – пусть даже где-то глубоко внутри, – она скользнула взглядом по столику, по

цветочным обоям на стене, по шкафчику у двери кухни. – Можно, конечно, обойтись без этого: писать сегодня одно, завтра совсем другое... По моде и вкусам. Настоящие поэты так, правда, не делают, но это тоже неплохо: публике зачастую нравится. Но вы-то, – она снова в упор посмотрела на Лунева, – вы претендуете на звание настоящего.

– Хотелось бы, – Лунев через силу выдавил улыбку.

Вероника Николаевна кивнула:

– Насколько мне видится, задатки в вас есть. Но такое ощущение, что вы почему-то не хотите использовать их в полную силу. Но, если ещё поработаете, у вас может получиться, – она улыбнулась. – Я в вас верю.

С такой улыбкой желают приятной дороги в ад.

Синий бархатный занавес тяжело струился от потолка до досок сцены вниз, и казалось: если все вдруг на минуту смолкнут, можно будет услышать, как трутся друг о друга с глухим шорохом складки ткани. Но в зале тоже шуршали, шептались, скрипели старыми откидными креслами, и какофония этих негромких звуков наполняла всё помещение.

Машенька рядом тоже шуршала, ёрзая в кресле и то и дело одёргивая оборки вечернего платья – наряда ей, видимо, непривычного. Мечеслав некоторое время наблюдал за ней с улыбкой, потом легонько тронул за руку.

– Чего так нервничаешь?

Она аж вздрогнула от неожиданности, но тут же сама смущённо улыбнулась, как бы говоря: «потому что ну вот такая я дурочка».

Мечеслав хотел ещё что-то ей сказать, но тут грянул третий звонок, свет в зале погас, и занавес, удивительно быстро для своей видимой тяжести, уполз вверх.

Там, на сцене – бурлило, суетилось, сновало, распускалось бутонами огромных синих цветов, и почему-то казалось, что нет больше зала, нет ничего за пределами громаздящейся феерии: дома вырастали один за другим, угловатые гигантские небоскрёбы, и в небо взлетали аэростаты, терялись, мелкие, в блеске и дымке, а здесь, внизу, всё суетилось, как суетилась музыка вместе с ними, – в погоне за новым, за чуждым, несбыточным. Кто-то прокатывался в золотистых шарах, другие бабочками вились вокруг цветов, озарявших их синими лучами, некоторые замирали, запрокидывая головы к самым вершинам небоскрёбов, или вдруг пытались взмыть вверх вместе с растущими громадами – время будто ускорило и всё торопило вперёд. Из этого блеска и гвалта, из сонма всевозможных существ глаз не сразу выделил Магду Терновольскую – неприметную фигурку в разлетающихся чёрных мехах. Она вынырнула вперёд из глубин блестящих, поющих на все голоса масс, ещё одна тень или, может, скрытый координатор происходящего. Все они тоже словно не заметили её поначалу, увлечённые своими мелкими играми, но вот – грянул раскат, разлетелся над крышами миллионами искр, и звуки сменились: смолкли весёлые трели, в ошестинившейся шёпотами и звончатым эхом тишине пронеслась тонкая мелодия флейты... И разразилось – ударили разом все литавры и трубы и странный, неестественный свет хлынул с неба, из разорванной дыры над верхушками зданий.

В окружении своих спутников – тёмных масок, переплетающих руки в белых перчатках, – Терновольская вынеслась в центр и средоточие всего действия. Развевался взъерошенный тёмный мех, сверкали звёздные камни в глазах и в глубине чёрного бархата, а хитрая ускользящая улыбка – всё игра, господства, всё только игра – обратилась к зрителям:

Разве ты не слышишь приближенья чёрных крыл?

Разве ты не знала? Разве не просил?

Маски бегали, собирая её слова и неуклюже опять их роняя, а она со смехом сеяла новые, и ещё, и ещё, маленький радостный бес – предвестник хаоса – или пророчица великих перемен

с горьким пониманием в самой черноте зрачков. Кто бы ни была она, слова её воплощались на глазах и стремительно неслись сюда на крыльях ветра, вместе с раскатами грома.

*Разве ты нетленен, разве правда – острый нож?
Разве мир мечты твоей на этот не похож?*

Вдруг потемнело – всюду сразу, будто враждебные силы слетелись, сгустились над головами толпы, и вихрь принёсся из бушующих далей, он пригнал трепет, и холод, и слишком острую тревогу мерцающего небесного зарева. Синие цветы поникли, и ветер сметал никчёмные теперь, лёгонькие столбы высоток.

Беспорядочно метались маски меж груд уходящего мира, искали и не находили прибежища. Терновольская смолкла и обернулась теперь статуей – незыблемой, неотступной. И маски бросились к ней: им было страшно в наступившей ночи и они искали у Терновольской защиты или опоры, может быть, чуда. Чёрными стаями птиц, лишённых покоя, они слетались к её рукам, и она протянула им руки. Маски окружили её, подняли вверх, будто знамя, на сплетении своих белых перчаток – туда, где струился лазоревый свет и падал отвесными лучами на её ладони и плечи. Вытянувшись ввысь, она приняла эти лучи, окрасившие огненным заревом её фигуру, ах да, это ведь дева Летенция, сгорающая в жертвенном костре: ведь должен кто-то совершить искупление, чтобы бедствие не поглотило всех. Ахающее эхо пронеслось по залу, все невольно привстали – остановить или досмотреть до конца? – но пламя, завораживающее ало-синее пламя остановило любое движение и распустилось, как хищный цветок, вскормлённый чужою жизнью. Маски надвинулись толпой теней, скрыли птицу-деву – о ней не пропоют и в песне, имя её канет здесь же, в вихрях. Но в последний миг вдруг стихли литавры, тени, будто испугавшись чего-то, подались назад и осторожно опустили Терновольскую на пол сцены. Она же, приобернувшись через плечо, вновь чуть заметно улыбнулась зрителям: «ну, вы-то понимаете, что всё немножко не по-настоящему».

Медленно, как во сне, удалялись маски, тонули одна за другой в темноте; с ними гасли огни, затихали звуки, и только одинокий фонарь остался освещать маленький пяточок на сцене. Белые мотыльки слетелись на свет, они порхали вокруг пламени, словно снежинки. Тогда, привычным движением поймав зазевавшуюся бабочку, Терновольская легко смяла её в ладони и, не оборачиваясь, сама ушла во тьму.

Лунев вышел от Вероники Николаевны в довольно поганом настроении. В который раз посещала его всё та же мысль: а уж не показалось ли ему, не принял ли он чуточку раздутое воображение (ничего особенного, в общем, у многих такое же) и потворствующий ему избыток хорошей жизни – за дар, за откровения из высших сфер? Может быть – исходя из нормального человеческого рассудка – не стоит так носиться с этим? Ну в самом деле: стихи, публикации, какие-то претенциозные планы на известность... Столького ожидать, будто это и впрямь нечто быточное и реализуемое.

От этой мысли становилось неприятно, очень неприятно, и он изгнал её. Она только бессмысленно портила сейчас настроение и не давала ничего.

А какое, в конце концов, ей дело, кому и зачем он подражает. Разве это ей важно? Разве для неё от этого чем-то хуже? Давно могла бы замолвить словечко среди своих знакомых – ну, кому надо, она лучше в этом разбирается, – а не корчить из себя литературного критика.

Ещё и Машеньки не оказалось вдобавок. Лунев даже разозлился на неё. Вечно она появляется не вовремя, а когда и кстати бы – её нет.

Ладно, с Машенькой – это отдельно. Здесь, под вечерними фонарями никакой Машеньки не было уж точно.

Да и на Веронике Николаевне свет клином не сошёлся. Найдёт другой путь, другой способ пробиться. Всё ещё будет, ему только двадцать лет, зачем же заранее ждать от жизни беспросветности и ужасов ночи?

Да. Не стоит того, чтоб думать об этом. Он гордо тряхнул головой, выпрямился и зашагал быстрее, уходя в неведомые пока дали по дорогам Ринордийска. Ветер вёл его – то ли обещая, то ли угрожая, быть может, то и другое сразу, – и было нестрашно и весело идти будущему навстречу.

Лето всё же сдалось натиску вечера, и теперь улицы укутывал синий сумрак. Светя фарами, пронеслись автомобили, маленькие, только чуть больше, чем одинокие пешеходы. Те и другие появлялись из густой дымки, скользили минуту рядом и снова исчезали, а на смену являлись новые, чтобы тоже исчезнуть в своё время. Город жил, открывал свои призрачные желтые глаза в темноте и хотел суетиться, хотел кружить в танце, изгибаясь улицами мимо неспящих огоньков в домах.

Он был капризный – Ринордийск. Лунев давно знал это.

Незаметно для себя он вышел к окраине. Дорога терялась тут, размываясь в несколько разных путей – неасфальтированных, проложенных только наброском, начерно, и грубоватые фонари высвечивали впереди комковатое месиво. Лунев остановился.

Последние многоэтажки остались позади. В отдалении горели маленькие квадраты их окон. Чуть ближе светился рекламный щит («телевизор «Пурга» – лучший друг для всей семьи»), и на этом всё. Впереди же широкая лента укутывала в сумрак, и на ней было пусто в этот час. Только подальше, вниз по склону мелькали фигуры, и, кажется, слышался шум техники. Наверно, рабочие, ведь шоссе до сих пор не достроено... Они разбирали или раскапывали что-то (либо кого-то закапывают, – предположил внутренний, излишне впечатлительный голос, но Лунев отмахнулся), доносились их приглушённые голоса.

Мысль заворожила его, несомненное вдруг осознание, что он сейчас на самой-самой границе Ринордийска. Несколько шагов вперёд – и ты не в городе больше!

Он прошёл эти несколько шагов. Фонари мелькнули и скрылись у него за спиной, под ногами обнаружилась влажноватая смесь песка и грязи. И он теперь был не в Ринордийске. Совсем рядом, кажется, протяни руку – и схватишь, но всё же не в нём.

Накрыло странное грезоподобное чувство, какие возникали у него иногда в отдельные моменты, но были, как правило, слабее. Показалось, что когда-то будет вот так: пустая дорога, не в Ринордийске, где-то в другом месте, ночь, и мелкий дождь падает с неба (или не дождь? нет, похоже, что дождь), глухое время, и надо бы домой, но никого вокруг, только бродят ниже по дороге тёмные чуждые силуэты, спонтанная процессия стучит лопатами, потому-то больше никого нет, и идти теперь особо некуда. Только стоять на пустой дороге, в сероватой промозглой ночи, и, наверно, ждать чего-то – скорее по инерции, чем в надежде дожидаться.

Он резко втянул воздух, выдохнул и поспешил обратно, под защиту фонарей и глупенького рекламного щита. Зато безопасного.

Наваждение сразу пропало, будто и не было, и Лунев даже смог усмехнуться своим страхам. Чего не привидится под вечер в играх света и тени...

Но, пожалуй, лучше сейчас на трамвай и домой. Да, не задерживаясь нигде больше. И так достаточно поздно.

Он уже отходил к многоэтажкам, когда мимо прошла вдруг лёгкая тень – почти за спиной, он едва уловил. Похоже, она вознамерилась двигаться в сторону трассы...

Лунев быстро обернулся: посмотреть, что это за искательница приключений гуляет одна по окраинам в такой час, – но никого не увидел.

Никакой женщины здесь не было. Ему показалось.

Определённо, ему слишком много *кажется* за этот вечер. Нет, всё же точно пора домой – без дальнейших событий и впечатлений.

Да, он абсолютно в этом уверен.

С разработок не было никаких вестей, но он всё равно приехал к котловану в середине дня. В какой-то момент желание посмотреть, как же там теперь, внизу, стало непреодолимым.

– Сказали же вам, что не надо приезжать пока, – чуть дребезжащим невозмутимым голосом проговорил пожилой рабочий у спусковой платформы.

– Я только посмотрю, – Мечеслав шагнул было к краю.

– Чтоб вам по башке чем-нибудь прилетело? Разберём аккуратно стеночку, тогда спокойно спуститесь, посмотрите.

Мечеслав чувствовал, что бесполезно сейчас вступать в пререкания: важной фигурой для них он был, только стоя над котлованом, пока они бурили внизу, и когда спускался к ним, чтоб уточнить действия (что, впрочем, не мешало и тогда считать его полным дураком). А уж теперь, когда они сами знали, что делать, он и вовсе мешал им.

Пока он нерешительно перетаптывался, подал голос другой рабочий:

– Начальник, тут эта девчонка вас искала.

– Какая? – не понял Мечеслав.

– Ну, эта, Сибилла. Которая младшая, понятно, – на его смешок при последних словах ещё двое-трое отозвались такими же смешками.

– Именно меня?

– Ну да, так и сказала – Мечеслав Беляков ей нужен, инженер-сопроводитель.

Мечеслав сосредоточенно нахмурился, пытаясь понять, что здесь вообще происходит помимо его участия.

– А что именно ей нужно, она не сказала?

– Понравился ты ей, что тут гадать, – выкрикнул один из тех, что сидели у стены корпуса.

Все загоготали.

– Она же ещё совсем ребёнок, – пробормотал Мечеслав.

– Да ладно, парни, не смущайте его. Он же специали-и-ист...

Запоздало улыбнувшись в ответ на шутку, он пожелал им удачного рабочего дня и удалился от площадки.

Значит, та девчушка зачем-то искала его... Вызвала где-то имя и кто он здесь. А он даже не помнил толком, какая она на вид; по крайней мере, в городской толпе не различил бы.

Рассудив в итоге, что если ей и впрямь что-то понадобилось, то легче будет ей найти его, чем наоборот, Мечеслав успокоился на этом и свернул во дворы.

Чуть меньше получаса медленным шагом – и проулки сошлись в неровный многоугольник; здесь, среди стен домов, висела тишина. Посреди пустого двора вращалась с едва слышным скрипом карусель-вертушка. Про такие минуты, наверно, и говорят, что «на карусели катается ветер». Правда, по прикидкам Мечеслава, эта конструкция была слишком тяжёлой, чтоб поддаться ветру... Но в этом городе многое оказывается не так, как кажется.

Он огляделся по сторонам, не заметил свидетелей и расположился в одном из маленьких кресел на осях вертушки. Она немного замедлилась, но продолжила вращаться.

Терновольская, Магда Терновольская... Вот о чём он думал со вчерашнего вечера и, пожалуй, целую ночь, то засыпая, то вновь открывая глаза, чтобы понять, что очередная фантазмагория была лишь во сне.

Сколько бы Мечеслав не пытался припомнить поточнее, он не смог бы сказать, сколько лет ей на вид, даже примерно. А если бы не знал имени, то, возможно, в некоторые бы минуты сомневался, женщина перед ним, мужчина или неведомый диковинный зверь, лишь слегка похожий на человека. Хотя, когда Терновольская не играла, она, безусловно, была женщиной – и даже скорее красивой, чем нет. Мечеслав с Машенькой видели её в антракте – там, где фойе наполнилось шёлковым шорохом подолов и пряным душистым ароматом. Терновольская стояла

в углу, у ширмы, и о чём-то говорила с пожилым господином в очках, быть может, режиссёром – запросто так говорила, будто не была знаменем и не умирала взаправду несколько минут назад. (Там возле них расхаживала ещё одна особа в осенних тонах, с взбитыми рыжеватыми волосами, рассыпавшимися по плечам... Она ещё так хитренько взглянула на Мечеслава, будто знала его). Терновольская же только улыбалась, слушая своего собеседника, чуть рассеянно, но ловя и схватывая всё необходимое – как схватила налету бабочку.

А так, что он помнит... Длинные чёрные пружинки кудрей (где-то он уже видел точно такие же), Летенцию в отсветах пламени... А, и, конечно, ускользающая улыбка: «вы же не думаете, господа, что мы это по-настоящему?» Хотя, возможно, это и было самым настоящим, куда более настоящим, чем многое другое, что кочует с тобой ото дня ко дню.

«Разве ты не слышишь приближенья чёрных крыл?»

Блеск отразился от окна и сверкнул вспышкой. Пока Мечеслав жмурился от неё и не мог ни на что смотреть, откуда-то из щелей между домов налетел, зашумел в кустарнике ветер. Карусель скрипнула громче и остановилась.

Мечеслав подождал немного, не возобновится ли кружение, но оно не возобновилось. Он слез с сиденья, оглядел ещё раз вертушку в поисках неожиданных или испорченных деталей, из-за которых она двигалась сама по себе, ничего похожего не обнаружил. Что ж...

Оставим тайну тайне.

Уже покидая двор, он уловил знакомый шелест: невидимка вновь выслеживал его, но успел спрятаться за угол ближайшего дома, когда Мечеслав обернулся.

На провод села большая тёмная птица, за ней – вторая. Провод чуть покачался под ними, но вскоре затих.

Ветер в этом городе странный... Будто живой и чего-то ждёт.

Лампа отбрасывала жёлтый полукруг на стену и часть стола, этого вполне хватало, чтобы читать, не включая верхний свет. Мечеслав искал в энциклопедии про ринордийские катакомбы, он слышал о них что-то краем уха, но вместо этого завяз в разговоре императора Виктора IV с присланным гонцом по фамилии Пешиков.

«– Я же сказал, чтобы они были белыми.

– Но получились красные, Ваше Величество.

– Я же сказал. Чтобы они были белые.

– Наверно, это от крови, Ваше Величество.

– Я всё ещё хорошо отношусь к вам, господин Пешиков. Не повторяйте клеветы».

Речь шла о сотне воздушных шаров, которые должны были взмыть в небо в праздник Великого стояния. Имел ли место сей разговор на самом деле, история умалчивала, да и энциклопедия тоже. Но в легенде это осталось.

Мечеслав оторвался от затянувшей его страницы, он же хотел найти про катакомбы. Неужели нет ничего внятного?

Упоминания о них были разбросаны: немножко здесь, немножко там... Не помог даже алфавитный указатель. Но если они и вправду когда-то существовали – во времена ли Виктора IV, как утверждают слухи, или же в более ранние годы, – если было когда-нибудь хоть что-то отдалённо похожее, то вполне может быть, что именно катакомбы они с Мартином и нашли. Ведь лестница там точно была.

А если так... Если так...

Становилось даже немного не по себе от такой мысли. Всё равно как найти один из древних уничтожающих амулетов – мел или кирпич... Держать его в руке и знать, что вот он, настоящий, легенды не ввали.

Одна из птиц хрипло крикнула и тяжело поднялась в воздух. От толчка провод закачался с новой силой. Вторая птица улетать не стала, только крикнула куда более тонким и ломким голосом, закачавшись вместе с проводом.

Мечеслав бегло перелистал страницы наугад, взгляд зацепился за угловатое, не очень ровное изображение чудовища-манतिकоры, льва с лицом человека. «Манतिकора была избрана активистами Нового времени в качестве символа власти слепой, уничтожающей, власти ради власти...» – успел прочитать он, но тут птица вскрикнула повторно, совсем уж надрывно и рухнула с провода вниз.

Мечеслав отвлёкся, поглядел на качающийся провод, затем подошёл к окну. На лужайке у дома никого и ничего не было.

Наверно, ему показалось: птица просто прыгнула вниз и улетела, резко сменив направление. Птицы, кажется, умеют так делать.

(Пожалуй, только чуть сложнее вышло бы убедить себя, что птица изначально была одна, а вторая ему почудилась).

В этом городе и впрямь странный ветер: кричит и поёт на все голоса.

Наконец их позвали: вход расчистили достаточно, чтоб можно было, чуть нагнувшись, пройти взрослому человеку.

Мечеслав спешил как мог, но всё равно опоздал: Мартин был уже на месте (вечное соревнование М и М, в котором никто не одерживал победу надолго).

– Я тебе ещё в седьмом часу звонил, глухая тетеря, – беззлобно осклабился Мартин. Мечеслав только отмахнулся: он торопился спуститься и теперь-то посмотреть.

Вход в пещеру хорошо укрепили: к аркам добавились теперь деревянные щиты и ограждения. Мечеслав по наклонной спустился до конца штольни, кинул взгляд вниз, покуда хватало света.

Да, там абсолютно точно ступени, ему не показалось в первый раз.

– Ну что? Увиделся со своей пещерой драгоценной? – Мартин неожиданно возник за правым плечом.

– Это ведь ступеньки. Ступеньки, так?

– Ну, положим.

– Ты не думаешь, что это могут быть катакомбы?

Мартин скептически приподнял брови, склонил голову набок:

– Я вообще не настолько уверен, что есть какие-то катакомбы.

– Но ступени? Ступени сделаны людьми? Что скажешь?

Мартин помолчал с минуту, всё так же скептически окидывая взглядом путь под землю.

– Не поручился бы. На самом деле, много вариантов.

Подождав испытующе, не добавит ли чего, Мечеслав озвучил:

– Но какой вероятнее?

– Я бы ни один не исключал. Может, и люди, может, само так получилось.

«Ну как так – само!» – хотелось воскликнуть, но он удержался: Мартину всё же видней, это его область (хотя в том, что ступени сделали люди, Мечеслав не сомневался ни на секунду).

Они выбрались из штольни, но перед тем, как подняться наверх, Мечеслав приостановился. Он никогда до того не рассматривал внимательно стенки котлована – всю эту землю, почву, сквозь которую они прорывались, дабы обеспечить всем лучшее будущее. Здесь действительно хватало песчаника: он залегал слоями, отдельные его обломки покоились на дне котлована. А ведь, по сути, – подумалось ему вдруг, – это много-много маленьких жизней, что пресеклись здесь когда-то, задолго до того, как сюда пришли они. Стенки почти отвесно уходили вверх, и там, далеко, синело высокое летнее небо. Мартин, стоявший у подъёмника, ожидал, пока Мечеслав подойдёт тоже.

– Местные нервничать начинают, – негромко проговорил он, когда Мечеслав поравнялся с ним. – Говорят, зря это всё затеяли, с раскопками.

– Местные? Рабочие или ещё какие-то?

– Они. Вроде как нехорошо может быть... Потревожим кого не надо. Всё это типа шуточки между делом, но я-то вижу, что их и впрямь пугает.

– Ты уж сам ли в это не поверил? – усмехнулся Мечеслав.

– Скорее нет, – Мартин пристально окинул взглядом площадку, когда подъёмник почти донёс их. – Тут, конечно, и старуха своё дело сделала... Пришла, накаркала.

– Какая старуха? – не понял Мечеслав.

– Предсказательница эта сумасшедшая. Она ж ровно перед тем явилась, как обвал случился, не помнишь? Совпадение, понятно, но... Знаешь, воздействует.

– А, старуха, точно... Я и забыл, как она приходила, – тот день снова всплыл в памяти, всплыло и другое. – Слушай, а та девочка, которая при ней была... Её здесь не видели?

Мартин рассмеялся:

– Я знал, что младшая тебе глянется больше.

– Не болтай ерунды, – рассердился Мечеслав. – Она просто искала меня, потому и спрашиваю.

– Ну раз уж сама искала, то грех не воспользоваться, – тот продолжал смеяться.

– Она малолетка, ну! – он с внушением посмотрел на Мартина. И, чтоб сменить тему, добавил. – Ты меня лучше со своей приятельницей познакомь. Тем более если, говоришь, она тебе не пассия.

– А познакомлю, – неожиданно серьёзно ответил Мартин. – Вот знаешь, просто так познакомлю. Вы чем-то очень похожи.

– Ну вот, это здесь.

Он замешкался на секунду перед порогом, но вслед за Мартином вступил в незнакомую квартиру.

Свет везде был притушен, только из-за дверей одной комнаты доносилось сияние – неяркое, будто бы в дымке. Казалось, здесь никто никого особо не ждал, но Мартин запросто подошёл и приоткрыл дверь. Оглянулся на Мечеслава:

– Идём, чего ты?

Сияние оказалось сиянием от камина – не настоящего, но очень искусной имитации: приглушённый свет лился из-за тонкой полупрозрачной ширмы, пятна его трепетали на досках пола и мебели вокруг, будто от настоящего огня, и даже, казалось, слегка веяло теплом (наверно, за ширмой замаскировался обогреватель). Женщина сидела перед камином в глубоком уютном кресле, взгляд её рассеянно блуждал в пространстве, а руки безмятежно покоились на подлокотниках. Огромный чёрный пёс – заострённые уши, мохнатый белый воротник – лежал у её ног. При виде людей он поднял длинную морду и глухо зарычал.

– Спокойно, свои, – хозяйка опустила руку, слегка погладила голову пса.

– Вечер, Мелисса, – весело кинул ей Мартин и прошёл мимо вглубь комнаты.

Женщина слегка кивнула ему:

– А это, я так понимаю, Слава? – она с интересом посмотрела на Мечеслава.

– Он самый, мой напарник. Познакомь, говорит, со своей приятельницей, а то одних малолеток норовят подсунуть.

– Неправда, не было такого! – он вспыхнул и с яростью воззрился на Мартина, пока Мелисса звонко рассмеялась, прикрыв рот кончиками пальцев. Мартин же, стоя чуть поодаль, сложил руки на груди и усмехался с видом «ну и что ты мне сейчас сделаешь?»

Мечеслав вновь повернулся к хозяйке дома:

– Такого правда не было. Я просто... просто хотел познакомиться с вами, чисто по-человечески...

– Да-да, прекрасно вас понимаю, – заверила Мелисса, успокаивающе подняв руку. – Это Мартин вечно норовит всё свести... Я вас понимаю, я сама такая же.

И, будто сейчас только вспомнив о чём-то важном, протянула ладонь для рукопожатия.

– Мелисса Таубанская. Рада знакомству.

Мелисса Таубанская... Пожалуй, где-то он уже слышал это имя, хотя на лицо она не казалась знакомой. Странное это было лицо – зыбкое, переменчивое в отблесках света... Волосы с ближней стороны высвечивались, с дальней – тонули в тенях.

– Вы ведь тоже с северо-запада? – спросила она. – Чувствуется отголосок тех мест.

– А вы там бывали? – удивился он.

Мелисса задумчиво улыбнулась:

– Я жила там одно время, – она повела взглядом, остановилась на двух белых чашках с золотистым ободком. – Берите кофе. Здесь на двоих, но Мартин его не пьёт.

– Гадость, – ответил Мартин из угла.

– Так северо-запад... – неторопливо, будто припоминая, продолжила Мелисса, когда Мечеслав устроился на небольшом кресле рядом. – Небоскрёбы, километры трясины, отделённость... Эти болота как будто побуждают тянуться вверх, не правда ли?

– Пожалуй, – кивнул Мечеслав. Колебания света наводили странные чары полуяви-полусна. – Ночами я иногда смотрел со своего балкона в небо и представлял, как когда-нибудь мы полетим туда, к звёздам.

Мелисса удовлетворённо кивнула и прикрыла глаза:

– К вершинам, к звёздам... В самый космос. Пусть кажется, что ты один, – это не так, с тобой сотни и тысячи, и всё, что имеет смысл, – это дотянуться до той, главной цели наверху. Это и в вас ведь есть. Так?

Кофе непривычно обжёг язык и глотку. Мечеслав подождал, чтоб не закашляться, спросил:

– Спирт?

– Коньяк. Самую малость.

– Что ж ты сразу не сказала, – Мартин подал голос из своего угла.

– Обойдёшься, – беззлобно кинула Мелисса. – Я, впрочем, больше люблю с мятой... Да, стремление ввысь – в этом весь северо-запад. Ринордийск – он совсем другой. Это... как бы объяснить... Вы видели когда-нибудь на сцене Магду Терновольскую?

– Да, совсем недавно, – с воодушевлением подхватил он.

– Тогда вы должны понимать, о чём я... Это игра ради игры, эффект ради эффекта. Жертва и тот, кто наоборот, в одном лице. Тысячи лиц, тысячи масок – в каждую следующую секунду он немного другой. И всё равно – всё тот же самый.

Она замолчала, и все замолчали. Только отсвет искусственного камина проблеснул в большом круглом глазе пса.

– Наверно, я понимаю, о чём вы, – медленно проговорил Мечеслав. – Тут бывают странные вещи... Сталкиваюсь и всё пытаюсь вникнуть в них, понять, почему так, а не иначе. Иногда кажется, что отгадки совсем рядом, но каждый раз... – он развёл руками. – Каждый раз ускользает и меняется. А потом и вовсе забываешь, что это было.

Мелисса кивнула:

– Ринордийск неодинаков с разными людьми. Кого-то подпускает ближе, кого-то годами держит на расстоянии. Есть люди, у которых как будто особая связь с городом: они чувствуют его здесь, изнутри, – она легко провела по шёлковым складкам своего халата. – Они в своём роде живые воплощения Ринордийска, его маленькие двойники. И когда городу плохо, им плохо тоже.

– Неужто вы один из двойников? – улыбнулся он.

– Нет, конечно. Это отнюдь не про меня, – повертев в ладонях белую чашку, Мелисса задумчиво вглядывалась в непрозрачную чёрную жижу, будто там можно было что-то увидеть или хотя бы одним глазком подсмотреть. – С тех пор, как поселилась в Ринордийске, я на самом деле занимаюсь тем же, чем вы.

– Тоже строите метро? – пошутил Мечеслав.

– Нет... Хотя заканчивала инженерный в своё время. Я поэт.

– Ах вот что...

Он вспомнил, где мог встречать имя Таубанской – да наверняка там и встречал. В журналах, в литературных колонках: все эти отзывы о «новых молодых» авторах: «Конечно, местами заметны и подражания – к примеру, Мелиссе Таубанской...»

– Но по сути мы заняты одним и тем же, – она склонила голову набок, полутени пробежали по её прядям – светлым или тёмным. – Поисками вслепую. Какой-то правды – большущей, важнейшей в мире правды, в небе или под землей, где только она есть. Псы могли бы найти дорогу в темноте, но мы... Мы вынуждены пользоваться только своими догадками и построениями и тыкаться наугад.

Мартин, стоявший до того поодаль с видом «взрослые люди, какую чушь несут оба», вставил:

– Не туда тыкаешься потому что.

Чуть улыбнувшись, Мелисса воздела руку:

– Да-да, твоё мнение мне известно.

– Какое мнение? – не понял Мечеслав.

– О браке и семье как способе излечения от бредовых идей, – она предупреждающе кивнула на Мартина. – Он это не о себе, так, абстрактно.

– Да мне-то нафига? – фыркнул Мартин. – О тебе забочусь.

– Думается, для подобной твоей заботы найдётся объект более подходящий, – ответила она с улыбкой, но смотрела при этом на Мечеслава. – Поэзия, как и любое другое призвание, – это прежде всего служение, посвящение себя без остатка одному делу, одной идее... Это, если хотите, вроде жречества. А у весталок нет семей.

– Многие этим не заморачиваются, – усмехнулся Мартин.

– Можно, конечно, не заморачиваться... – Мелисса по-прежнему глядела на Мечеслава. – Но человек, которому не повезло быть рядом, всегда будет на вторых ролях, только после призвания, а это, думается, оскорбительно для любого, – она покачала головой. – Кто ищет в глубинах, должен быть готов идти один.

В левом её глазу теперь тоже отражалось пламя – правый было не рассмотреть из-за потёмок.

– Вы не допили, – спокойно заметила она в следующую минуту (или спросила?), кивнув на чашку.

– Слишком много коньяка, – Мечеслав виновато улыбнулся.

– Да, я тоже часто не допиваю до дна, – задумчиво протянула Мелисса. – Иногда ведь это лучше – не доходить до самого конца. А ведь вам, Слава, повезло больше.

– В чём? – он даже встрепенулся, когда она неожиданно обратилась к нему по имени.

– В отличие от меня, вас Ринордийск не держит. Поэтому при желании вы всегда сможете уйти, чтоб искать что-то другое, где-то ещё – где захотите. И когда захотите.

– Ну и как она тебе? – спросил Мартин, без особого даже интереса, а скорее с интонацией «ну вот, а ты ожидал чего-то особенного?»

– Мне больше всего интересно, как вообще вы с ней пересеклись.

На вопрос Мартина не так уж хотелось отвечать (хотя тот наверняка и проводить вызвался для нескольких минут приватного разговора).

– Давнее дело, – Мартин отмахнулся. – Мы ещё по северо-западу знакомы, в столице она позже обосновалась. Да и на северо-запад тоже откуда-то приехала, кажется... Думаешь, она всегда такая была, не от мира сего? – он вдруг серьёзно посмотрел на Мечеслава. – На инженерном участвовала в проекте мультимодального телесигнала – который передавал бы запахи, температуру... Помнишь, были одно время такие идеи?

– Помню, – кивнул Мечеслав. – Лет десять назад.

– Вот. Она этим всерьёз занималась, пока вся их команда не развалилась. И ещё чем-то другим, сейчас не вспомню. Правда, и тогда уже была со странностями, – Мартин усмехнулся. – Говорила, что чего-то главного во всём этом – что мы делаем – всё равно нет и что пока не найдёт его, не успокоится.

Мечеславу хотелось повозражать: неясные устремления Таубанской были ему чем-то близки и сродственны, хоть и не во всём понятны. Но тут вечернюю тишину прервал отдалённый нарастающий крик:

– Ман-ти-ко-ра! Ман-ти-ко-ра!

Они остановились, чтобы всмотреться в компанию, кучкующуюся у старых синих елей.

– Ман-ти-ко-ра! Ман-ти-ко-ра!

Те стояли кружком, выбрасывая какие-то жесты внутрь, к центру круга, и скандировали всё громче и громче, впадая в раж.

Мечеслав прищурился, поморгал, но понятнее ему не стало.

– Что они делают? – спросил он.

Мартин скептически пожал плечами:

– Вызывают.

– Манतिकору?

Круг несколько расширился: кто-то остался в центре, но что точно там происходило, отсюда было не разобрать; вставшие же по краям теперь усиленно аплодировали.

– Ман-ти-ко-ра! Ман-ти-ко-ра!

– Соскучились, – кивнул Мартин (они уже отдалялись от ёлок и компании). – Одни девы вокруг.

«Разве ты не слышишь приближенья чёрных крыл?» – пронеслось в голове.

Ника оставила печенье на столе и, кинув на Мечеслава и Георга оценивающий взгляд, оставила их тоже. Но они всё равно вышли на балкон: было жарко, а там хоть чуть-чуть продувало ветерком.

– А Машенька?.. – вспомнил вдруг Мечеслав.

– Гуляет, – Георг сдержанно, чуть смущённо улыбнулся в бороду. – Алексей её вытащил. В парк.

– В кои-то веки?

– Ага... – Георг кивнул, но всё равно, казалось, что-то его тревожило. Мечеслав покоился на него, пытаясь понять, думает ли брат примерно о том же, о чём он сам, сейчас, или тревога эта обусловлена какими-то иными причинами.

– Что за человек этот Алексей? – спросил он. Взгляд между тем по привычке обрисовывал линии домов и мелких построек внизу. Полосатый козырёк летней кафешки, красная роза в окне почти напротив – ах нет, это какой-то другой цветок...

– Нет, он хороший человек, хороший, – торопливо закивал Георг. – А странности... Они, конечно, у всех свои есть.

«И тогда уже была со своими странностями, – и тут же. – Это прежде всего служение, посвящение себя без остатка одному делу, одной идее».

– Георг, – он настойчиво попытался отловить взгляд брата. – Ты помни, что он поэт. Это... понимаешь, это особый коленкор людей. Они могут быть талантливыми, великими и вообще замечательными. Но нам, с нашей обычной человеческой жизнью, подчас лучше не связываться с ними слишком тесно.

– Ну, это не мне решать, а Машеньке... – протянул Георг, обозревая мельком окрестность.

– Ты ей так передай хотя бы. Не в плане отговаривать, просто... Чтобы была в курсе.

– Это да, это да, – пробормотал тот, по-прежнему не встречаясь взглядом с Мечеславом.

Он подождал, не скажет ли брат чего-то ещё, потом снова стал смотреть на притихшую летнюю улочку. На веранде кафешки сидело, кажется, несколько человек, вообще же было пустынно. Жара...

Георг явно размышлял над чем-то – над чем-то ещё, что, возможно, беспокоило даже больше. Озвучивать это он, по всей видимости, не собирался.

– Такая неуверенность тебе совсем не идёт, – попытался пошутить Мечеслав.

– Неуверенность? – Георг удивлённо вскинул голову. – А, ты, наверно, имеешь в виду... Я просто задумался.

– Ну да!

– Ну хорошо, есть одна вещь... Ладно, неважно. Это по работе.

– Так рассказывай.

Вот теперь он взглянул действительно неуверенно. Хотел было сказать что-то, сбился, повозил пальцем по балконному бортику и наконец заговорил, негромко и быстро:

– Послушай... Бывают у тебя такие моменты, когда кажется, что вот сейчас чуть-чуть заглянул в будущее, одним только глазком?

– Ты пообщался с предсказательницей? – улыбнулся Мечеслав. – Или сам в себе обнаружил пророческие способности?

– Нет, мои способности тут никак не причастны, – пробормотал Георг. – Это просто... бумажка, документ для архива. В общем, ничего выдающегося. По крайней мере, хотелось бы так думать.

– Ну и что за бумажка?

– Бумажка... – Георг нахмурился, бросил на Мечеслава быстрый взгляд. – Ладно, ты мой брат, в конце концов. Я тебе покажу.

Он исчез за дверью. Мечеслав не успел ничего спросить, и теперь оставалось только опираться на бортик и бесцельно рассматривать людей, что иногда проходили внизу.

Он насчитал двоих и ещё одну парочку, когда Георг снова появился в дверях балкона.

– Зайди лучше в кухню, – сказал он. – Тут уже не так жарко.

Мечеслав последовал за ним, переступил высокий порог. Георг убедился, что он вошёл, и только тогда принялся расправлять на столе какую-то бумагу.

– Вот. Можешь взглянуть.

Он приблизился посмотреть, что представляет собой бумага. Похоже на некий государственный указ – с гербом вверху страницы, с печатью и подписями. В чём, однако, дело и почему это так важно... Мечеслав перечитал дважды, но тут было мало понятного.

– И что это? – он вопросительно посмотрел на Георга.

– Не понимаешь? – тот внимательно глядел на него. Потом вернулся к бумаге и подчеркнул пальцем несколько отдельных строк. – Получается, что при любых неустраимых разногласиях или – или – особых обстоятельствах, требующих вмешательства, весь контроль переходит к одному человеку. Вот к нему, – Георг ткнул в фамилию в тексте.

– Что за особые обстоятельства?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.